ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

СМОТРОВЫЕ ВЫШКИ

Смотровые вышки [Сторожевые башни]

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Смотровые вышки [Сторожевые башни]

Аннотация

Загадочные сторожевые башни выросли по всему городу. Кто скрывается за стёклами башен, кто наблюдает оттуда за жителями? Никому не известно. Но одним своим присутствием башни сковывают и подавляют любое движение: разве решится кто на дерзкий шаг или неосторожное слово под их неусыпным оком?

Джеймс Баллард

Смотровые вышки [Сторожевые башни]

Пришел новый день, и на смотровых вышках что-то было нечисто. Все еще утром подметили, а к полудню, когда Рэнтелл из отеля направился к миссис Озмонд, странное волнение вошло в свой пик. Улицу заполонили люди — все стояли, шептались между собой и тыкали пальцами в небо.

Рэнтелл привык не уделять много внимания смотровым вышкам; строго говоря, любое касание этой темы его раздражало. Но сейчас, стоя в тени дома в начале улицы, он вдруг понял, что не может оторвать глаз от ближайшей, той, что словно бы левитировала над Публичной библиотекой, в сотне футов от него и в двадцати над крышей здания. Казалось, застекленная кабина в основании вышки ломилась от смотрящих — они открывали и закрывали окна и устанавливали громоздкое наблюдательное оборудование. Он оглядел все остальные вышки, снисходящие с неба с интервалом в три сотни футов в каждую сторону, подмечая вспышки света, порождаемые открываемыми окнами.

Старец в мешковатом, не по фигуре, черном костюме и рубашке с накрахмаленным воротничком, обычно ошивавшийся неподалеку от библиотеки, через улицу прошаркал к Рэнтеллу и встал рядом, в тени вышек.

— Что-то там намечается, нутром чую. — Сделав из узловатых ладоней козырек, он приложил их к глазам и сощурился на вышки. — Сколько себя помню, такого с ними не было.

Рэнтелл вгляделся в лицо старца. Изменения в укладе, само собой, волновали его, но в то же время у него будто камень с души упал.

— Нечего волноваться. Радует уже то, что ситуация стронулась с мертвой точки.

Прежде чем старец ответил, он развернулся на каблуках и зашагал прочь. Десять минут ушли на то, чтобы добраться до улицы миссис Озмонд. Рэнтелл шагал, глядя себе под ноги, не обращая на проходящих мимо людей никакого внимания. Под сенью вышек — целых четыре выстроились в ряд прямо по центру — улица дышала запустением. Половина домов здесь, лишившись своих обитателей, медленно скатывалась к необратимому упадку. Обычно Рэнтелл осматривал каждый участок с пристрастием, пытаясь решить, не переехать ли из отеля куда-нибудь сюда,

но изменения на смотровых вышках повергли его в волнение, куда как превосходящее ожидаемое, и поэтому мимо террас он шел, не сбавляя шага.

Дом миссис Озмонд стоял на полпути вниз по улице, его калитка свободно моталась на ржавых петлях. Рэнтелл замешкался под платаном, растущим у края тротуара, затем пересек узкий сад и открыл дверь.

Обычно миссис Озмонд проводила весь день сидя на веранде под солнцепеком и глядя на сорняки в саду, но сегодня она предпочла укрыться в гостиной. Когда Рэнтелл пришел, она разбирала чемодан, набитый старыми бумагами.

Обойдясь без приветственных объятий, Рэнтелл подошел к окну и раздернул глухие шторы. Там, снаружи, была смотровая вышка — футах в девяноста прямо впереди, зависшая над параллельной грядой пустых домов. Линии вышек отступали по диагонали слева направо к горизонту, частично затененные светлой дымкой.

— Как думаешь, стоило приходить сегодня? — спросила миссис Озмонд, умещая свой внушительный зад в кресло.

— Почему бы и нет? — спросил Рэнтелл. Он глядел на вышки, засунув руки в карманы.

— Но если они начнут пристальнее следить за

нами, то заметят, что ты ходишь ко мне.

— Не стоит верить всем слухам, которые слышишь, — спокойно ответил Рэнтелл.

— Что же тогда все это значит?

— Понятия не имею. Эта их возня может и не нести в себе никакого умысла, как и наша. — Он пожал плечами. — Возможно, они и в самом деле собираются установить за нами надзор. Но что нам с того, если они только и делают, что смотрят?

— Тогда лучше тебе вообще не заявляться сюда!

— Почему же? Вряд ли они могут видеть сквозь стены.

— Не так уж они тупы, — бросила миссис Озмонд. — Скоро сложат два и два, если уже не сподобились.

Рэнтелл отвел взгляд от вышки и смерил миссис Озмонд взглядом, полным библейского терпения.

— Моя дорогая миссис Озмонд, в этом доме нет подслушивающей аппаратуры. Потому им сейчас абсолютно неведомо, чем мы занимаемся — пошивом молитвенных ковров или обсуждением эндокринной системы ленточного червя.

— Молитвенные ковры и ленточные черви? Кто

угодно, но не ты, Чарльз, — с коротким смешком промолвила миссис Озмонд. — Если они знают тебя хоть сколько-нибудь — они поймут.

Явно довольная своим ответом, она смягчилась и взяла сигарету из шкатулки на столе.

— Может статься, что не знают, — сухо произнес Рэнтелл. — Да я на все сто процентов уверен, что не знают. Если бы знали, то не думаю, что я еще находился бы здесь.

Сгорбившись — верный признак волнения, — он уселся на софу.

— Занятия в школе сегодня будут? — спросила миссис Озмонд, когда он закинул свои длинные худые ноги на чайный столик.

— Должны быть, — ответил Рэнтелл. — Хансон сегодня утром ходил в городскую управу, но там, как всегда, ничего внятного не сказали. Да и толку от нее, от этой школы. Давай лучше сегодня пойдем на концерт?

— Разве его не отменили?

— Конечно нет.

— Мне что-то не очень хочется, Чарльз. — Миссис Озмонд нахмурилась. — Что там за репертуар у Хансона?

— Чайковский и Григ, — воодушевленно произнес Рэнтелл. — Ты должна пойти. Мы же не

можем дни напролет сидеть дома, загибаясь от тоски.

— Я все понимаю, — протянула миссис Озмонд капризно. — Но у меня нет настроения. Давай сегодня не пойдем. Да и пластинки меня утомили — я их столько раз слышала.

— Мне, признаться, от них тоже проку мало. С другой стороны, хоть какое-то занятие.

Встав, он плотно задернул шторы. Постоял немного, вернулся на софу. Протянул руку к миссис Озмонд и нежно намотал на палец завиток ее тонких сухих волос. Когда его рука как бы невзначай скользнула к ней на колени, миссис Озмонд резко поднялась и отошла от софы, одергивая подол юбки.

— Джулия, да что с тобой? Ты совсем не в духе?

Миссис Озмонд встала у окна и через щель в шторах уставилась на смотровые вышки.

— Как ты думаешь, они выйдут оттуда?

— Разумеется, нет! С чего бы им? — Абсурдное раздражение зародилось в его душе, и он вдруг понял, что хочет убежать, причем как можно скорее, из этой затененной и запыленной комнатушки. Встав, он застегнулся на все пуговицы:

— Жду тебя сегодня в Институте в три часа, Джулия. Не опаздывай на концерт.

Она отстраненно кивнула, открыла дверь и гусиной походкой прошествовала наружу, похоже, даже не осознавая, что теперь-то ее совершенно точно хорошо видно тем, кто находится на смотровых вышках. Маска молельщицы сковала ее лицо.

Как и ожидал Рэнтелл, школа не открылась на следующий день. Устав торчать у отеля в послеобеденный перерыв, он на пару с Хансоном пошел к подозрительно тихому зданию администрации. Один-единственный чиновник, попавшийся им внутри, помочь не смог.

— У нас сейчас нет приказов сверху, — сказал он. — Не волнуйтесь, как только ситуация прояснится, мы с вами свяжемся. Хотя, насколько я знаю, эти каникулы будут бессрочными.

— Так решил комитет? — осведомился Рэнтелл. — Или очередной идиот в Совете?

— Нет больше никакого комитета, — вздохнув, пояснил чиновник. — Боюсь, сегодня вы и советника не застанете. — Прежде чем Рэнтелл успел ввернуть хоть слово, он добавил: — За жалованье не волнуйтесь, его не перестанут начислять. Не верите — загляните в отдел финансов.

Покинув администрацию, Рэнтелл и Хансон стали искать кафе. Найдя то, что еще работало,

они уселись под навесом, то и дело бросая зряшные взгляды на смотровые вышки, висящие над окрестными крышами. По сравнению с предыдущим днем активность внутри значительно снизилась. Ближайшая вышка была всего в пятидесяти футах, непосредственно над заброшенным офисным зданием на другой стороне улицы. Окна в смотровом ярусе оставались закрытыми, но каждые несколько минут Рэнтелл подмечал тень, движущуюся за стеклами.

В конце концов официантка вышла к ним, и он заказал чашку кофе.

— Кому бы преподать пару уроков? — посетовал Хансон. — Не люблю бездействие.

— А что, это идея, — улыбнулся Рэнтелл. — Остается только кого-нибудь завлечь. Ты уж прости, что со вчерашним концертом не свезло.

Хансон пожал плечами.

— Посмотрим, смогу ли я раздобыть новые пластинки. Кстати, Джулия вчера выглядела на все сто.

— Выходы в свет идут ей на пользу, — кивнул Рэнтелл. — Хотелось бы мне гулять с ней почаще.

— Даже несмотря на все это? — Хансон ткнул пальцем в небо. Вышки не среагировали.

— Да плевать на них! — в сердцах бросил Рэнтелл. Обсуждение личной жизни — своей или чужой, неважно — никогда не входило в число его любимых занятий. Но тему перевести не удалось — опередил его в этом сам Хансон, причем довольно-таки неожиданно:

— Думай как хочешь, но на последнем заседании Совета кое-что было сказано и о тебе, и о старушке Озмонд. Не всем ваша парочка приходится по душе. — Хансон примирительно улыбнулся в ответ на мгновенно помрачневший взгляд Рэнтелла из-за края чашки с кофе. — Без сомнения, они просто бесятся, как дети, но твое поведение все же… весьма своеобразно.

— Какое им до меня дело? — У Рэнтелла с трудом получалось сдерживаться.

— Никакого, само собой, — усмехнулся Хансон. — Но поскольку у них в руках власть, то я бы советовал тебе не отмахиваться от подобных указаний. — При этих словах Рэнтелл фыркнул, но Хансон невозмутимо продолжал: — Между прочим, через несколько дней ты можешь получить официальное уведомление.

— *Что?* — Рэнтелл вспыхнул было, но мигом взял себя в руки. — Ты это серьезно? — Когда Хансон кивнул, он зло засмеялся. — Какие идиоты!

Не понимаю, какого рожна мы их терпим? Их глупость возмутительна!

— Осади коней, дружище, — воздел руку Хансон. — Лично я понимаю их точку зрения. Принимая во внимание большое волнение в смотровых вышках вчера, Совет, вероятно, считает, что мы не должны делать ничего такого, что могло бы антагонизировать их по отношению к нам. Кто знает — вдруг люди в Совете действуют согласно прямому указанию *оттуда*?

Рэнтелл смерил Хансона критическим взглядом.

— Ты что, веришь, будто Совет и вышки как-то связаны? Такую околесицу побереги для дошколят. — «Интересно, и кто же скормил Хансону эту дезу», подумалось ему. «Ох уж эти топорные методы администрации!» — А в целом спасибо, что предупредил. Уже вижу все эти страшно смущенные лица общественности, когда мы с Джулией завтра пойдем в кино.

Хансон покачал головой:

— Не получится. В свете вчерашних событий массовые мероприятия отменены.

— Да почему? Неужели там, наверху, не понимают, что народу сейчас всякая отдушина на пользу?! Все в городе по уголкам окопались, ни

дать ни взять тараканы. Мы должны вывести людей на улицы. Объединить под каким-нибудь началом! — Рэнтелл задумался, созерцая вышку в другом конце улицы. За матовыми стеклами все так же сновали тени. — Нужен, допустим, праздник на открытом воздухе — нужен организатор, конечно же…

Хансон, отодвинув стул, поднялся:

— Чарльз, ты лезешь на рожон. Уверен, Совет не одобрит твою идею.

Он ушел, и Рэнтелл остался сидеть за столиком в гордом одиночестве. Где-то полчаса он провел, катая по столешнице опустевшую кофейную чашку и поглядывая на редких пешеходов. Никого более не тянуло посидеть в кафе, и это случайно подвернувшееся одиночество, нарушаемое лишь рядами смотровых вышек над сводами домов, даже радовало Рэнтелла. Если не считать миссис Озмонд, друзей у него не было. Его живой ум и открытое неприятие многих пошловатых проявлений современности отталкивали других. Люди сразу чувствовали его уверенность в себе, идеализм, отстраненность и незаметное, но все же наличествующее превосходство и держались подальше — для них он оставался чудаком-учителем, невесть с какой стати задирающим нос. В

отеле он редко заводил разговоры с кем-либо, да и в целом постояльцы не искали межличностных контактов — за трапезой все предпочитали либо уткнуться в газету или книгу, либо перебрасываться отрывистыми и, по сути, никакого смысла не несущими репликами. Лишь странные пертурбации на смотровых вышках в эти дни могли стать поводом для более-менее продолжительной беседы. Беда была в том, что Рэнтелла тема вышек раздражала.

Он уже собирался уходить, как вдруг на улице появился коренастый мужчина. Рэнтелл узнал его сразу и намеревался было отвернуться, дабы не утруждать себя приветствием, но что-то в облике прохожего зацепило его взгляд. Мужчина с бульдожьей челюстью и лишним весом по-кабаньи переваливался с ноги на ногу. Клетчатый двубортный плащ не сходился на его широкой груди. Мужчину этого звали Виктор Бордман, он был хозяином здешнего кинотеатра под открытым небом, но всем было известно, что в прошлом он промышлял бутлегерством и покрытием борделей. Лично с ним Рэнтелл знаком не был, но порицание Совета явственно роднило его с Бордманом. По словам Хансона, люди из администрации уже хватали этого проныру за руку

— и даже пресекли парочку выгодных афер, — но самодовольно-мизантропичная мина на лице экс-бутлегера во всеуслышанье заявляла о том, что у него все под контролем, никаких проблем.

Когда Бордман поймал взгляд Рэнтелла, его обширная харя озарилась шкодливой ухмылкой — явно на что-то намекающей, видимо, на предстоящую конфронтацию с Советом. Надо полагать, Бордман думал, что хиляк вроде Рэнтелла перед лицом администрации только и сможет, что лапки свесить. Раздраженный этой мыслью, Рэнтелл отвернулся, краем глаза проследив, как экс-бутлегер беспечным шагом удаляется вниз по улице.

На следующий день смотровые вышки уже ничем о себе не заявляли. Синяя мгла, из чьих недр они выходили, стала гораздо ярче, чем раньше, и сам воздух на улицах будто бы переливался отраженным от оконных панелей светом. Ни намека на движение — насаженный на частокол вышек небесный свод обрел спокойствие, сулившее долгое затишье. Однако Рэнтелл осознал, что нервничает даже больше, чем раньше. Уроки в школе еще не начались, но ему почему-то совсем не хотелось ни навещать миссис Озмонд, ни вообще покидать дом. Словно груз некоего невы-

сказанного вслух обвинения лег на его плечи.

Бесконечная шеренга вышек недвусмысленно напоминала о том, что Совет скоро свяжется с ним — не случайно Хансон заострил на этом внимание. Не случайно, что Совет делал все, дабы укрепить свой авторитет, штамповал мелкие инструкции и дополнения, хотя, казалось бы, наступили каникулы. Рэнтелл с превеликим удовольствием оспорил бы полномочия управы публично, в том числе и те, что лично на него не распространялись — например, запрет на уличные собрания, — но одна только мысль о том, какую шумиху поднимет простой сбор единомышленников, срубала его энтузиазм на корню. Хоть никто из здешних жителей и не показывал управе зубы, солидный их процент, пусть даже втайне, возрадовался бы, узнав о ее роспуске. К сожалению, на роль ядра сопротивления Рэнтелл не особо и претендовал. И никто бы в любом случае не стал поддерживать его, прознай про то, что у него в этом деле есть пусть и ничтожный, но все-таки отчасти шкурный интерес. Неприкосновенность личной жизни городского отщепенца — слишком жалкий повод для вызова против Совета и вышек.

Как ни странно, единственным человеком,

оставшимся в стороне от городских проблем, была миссис Озмонд. Когда Рэнтелл пришел к ней ближе к вечеру, она убиралась у себя дома и явно пребывала в хорошем настроении.

— Что с тобой, Чарльз? — участливо спросила она, когда он упал в кресло с кислой миной. — Что-то ты какой-то грустный.

— Просто утомился. А все эта дурацкая жара. — Когда она присела на подлокотник кресла, он сжал ее колено — будто утопающий, ухватившийся за соломинку. — Ну и управа, куда же без нее — в печенках уже сидит. Пора бы это все из головы выбросить…

Миссис Озмонд погладила его по волосам.

— Пора, чтобы о тебе хоть кто-то позаботился. В отеле тебе явно одиноко, там одни старики — так почему ты не снимешь дом здесь, на этой улице? Мне бы тогда было куда проще присматривать за тобой.

— Может, сразу прямо к тебе? — усмехнулся Рэнтелл. Миссис Озмонд опустила глаза и отошла к окну, закусив губу. Ее взгляд остановился на ближайшей смотровой вышке.

— Как думаешь, — спросила она, — *зачем* они здесь?

— Может, просто смеха ради, — отмахнулся

Рэнтелл. — Порой мне кажется, что там, внутри, вообще никого нет. И что все эти заоконные мельтешения — просто мираж, обман зрения. Никто ведь никогда не видел, чтобы изнутри кто-то выходил. Может, это все — просто пикник на обочине.

— Какое странное сравнение, — покачала головой миссис Озмонд. — Иногда я только и могу, что дивиться тебе. Ты сильно отличаешься от других. Говоришь то, на что я бы ни за что не осмелилась. Но если…

— Что — «если»?

— Чарльз, ты прекрасно понимаешь! Неужели тебе вообще ни капельки не жутко от мысли, что над нами, куда ни глянь, висят *эти штуковины*!

Рэнтелл медленно, будто во сне, обернулся к окну. Однажды он попробовал сосчитать смотровые вышки, но бросил затею, сбившись.

— Да, порой мне жутко. Как старикам в отеле, как Хансону, как любому в городе. Но при этом — не так жутко, как моим ученикам от меня.

— Чарльз, дети очень восприимчивы. Они чувствуют твое наплевательское отношение к ситуации в городе — даже при том, что сами ее в силу возраста не до конца понимают. — Она поежилась и поплотнее запахнула платок на

груди. — Знаешь, в те дни, когда на вышках что-то происходит, я чувствую себя ужасно, *ужасно* разбитой. Такая накатывает тоска, что ничего поделать не могу, просто сижу и разглядываю узоры на обоях. Может, все дело в моей впечатлительности.

Рэнтелл улыбнулся.

— Может быть. Но ты на них просто внимания не обращай. Когда снова будет тоскливо — надень на голову абажур от лампы и повальсируй по комнате.

— *Что?* Чарльз, не будь таким циничным.

— Я ни капли сейчас не циничен. Серьезно, Джулия, думаешь, это что-то изменит?

Миссис Озмонд печально покачала головой:

— Попробуй сам, Чарльз, а потом скажи мне. Куда ты собрался?

Он помедлил у окна.

— Возвращаюсь в отель, там отдохну. Кстати, ты знаешь Виктора Бордмана?

— Раньше знала. А почему ты спрашиваешь?

— Сад рядом с парковочным кинотеатром принадлежит ему?

— По-моему, да. — Миссис Озмонд засмеялась. — Погоди-ка, ты решил заняться садоводством?

— Можно и так сказать. — Махнув на прощание рукой, Рэнтелл ушел.

Он начал свой обход с доктора Клифтона, чей номер располагался прямо под его собственным. Клифтон был хирургом. Поскольку служебные обязанности отнимали у него не более часа в день — в городе болели и умирали редко, — он приберег все свое рвение для хобби. Часть номера он оборудовал под маленький вольер с дюжиной канареек и большую часть времени проводил в попытках научить их всяким трюкам. Своим фактологическим занудством доктор всегда утомлял Рэнтелла, но он уважал Клифтона хотя бы за то, что он не скатился в полную летаргию, как все остальные.

Доктор внимательно выслушал его.

— Я согласен с тобой, что-то такое, вероятно, необходимо. Хорошая идея, Рэнтелл. Если все обставить как надо, люди опомнятся.

— Главный вопрос, доктор, — вопрос организации. Единственное подходящее место в городе — само здание управы.

Клифтон кивнул:

— Да, проблемка. Боюсь, я не имею никакого влияния на Совет, если об этом ты мне толкуешь. Я не знаю, что тут можно сделать. Тебе придет-

ся получить их разрешение, само собой, но и раньше эти ребята не были ни радикалистами, ни большими оригиналами. Сейчас они точно предпочтут оставить все как есть.

— Они заинтересованы только в сохранении своей власти над людьми, — недовольно заметил Рэнтелл, — но не в самих людях. Мне кажется, их час давно пробил.

Клифтон взглянул на него с интересом, затем отвернулся к клеткам.

— Ты проповедуешь революцию, Рэнтелл, — сказал он тихо, поглаживая указательным пальцем по клюву одну из канареек, и больше от него не прозвучало ни слова.

Списав доктора со счетов, Рэнтелл отдохнул несколько минут в своем номере, меряя шагами полосу выцветшего ковра, а затем спустился на цокольный этаж, чтобы повидаться с менеджером отеля, Мальвини.

— Пока что я просто навожу справки. Еще не ходатайствовал о разрешении, но доктор Клифтон, к примеру, считает, что идея превосходна и нет никаких сомнений, что мы его получим. Как вы отнесетесь к тому, чтобы взять на себя заботу о праздничном столе?

На бледное лицо Мальвини легла тень скеп-

тицизма.

— За мной дело не станет. Конечно, я готов, но насколько серьезна ваша затея? Вы полагаете, что получите разрешение? Ошибаетесь, мистер Рэнтелл. Совет вряд ли вас поддержит. Они даже кино закрыли, а вы к ним пойдете с предложением провести праздник на открытом воздухе — с песнями и танцами? В вашу сторону даже не посмотрят!

— Я так не думаю. А вы сами-то как к моей идее относитесь?

— Я считаю так: пока нет реакции Совета, не о чем и говорить.

— А так ли нам нужна она, эта реакция? — с трудом сдерживаясь, поинтересовался Рэнтелл. — С какой стати мы от них так сильно зависим?

Мальвини уткнулся в коллекцию счетов, разложенную на столе, всем своим видом давая понять, что дальнейшего разговора не будет:

— Не сдавайтесь, мистер Рэнтелл, и все получится. Идея-то сама по себе хорошая.

За несколько следующих дней Рэнтелл сумел переговорить с полудюжиной людей. В основном он встречал негативное отношение, но вскоре, как и предполагалось, ощутил сначала неявный, а потом все более отчетливый интерес. Как толь-

ко он появлялся в столовой, разговоры стихали и обслуживали его быстрее остальных. Хансон по утрам перестал ходить с ним в кафе, а однажды Рэнтелл застал его за разговором с секретарем городского суда, молодым человеком по имени Барнс. Он-то, решил Рэнтелл, и был источником информации Хансона.

Тем временем активность в смотровых вышках оставалась на нуле. Бесконечные их линии свисали с яркого, туманного неба, смотровые окна закрывались, и люди на улицах внизу медленно погружались в свою обычную бессмысленную дрему, блуждая от отеля до библиотеки и кафе. Определив план действий, Рэнтелл почувствовал, как к нему постепенно возвращается уверенность в себе.

Выждав неделю, он отправился к Виктору Бордману. Бутлегер принял его в своей конторке за кинотеатром, поприветствовав недоброй улыбкой.

— Что ж, мистер Рэнтелл, разведка донесла, что вы подались в развлекательный бизнес. Пьяные игрища и все такое прочее. Признаться, я удивлен.

— Просто эквивалент полной занятости, — поправил его Рэнтелл.

Сесть Бордман ему предложил к окну, явно намеренно: из кресла открывался превосходный вид на смотровую вышку над крышей соседнего мебельного магазина. Будучи всего в сорока футах отсюда, она затмевала половину неба. Металлические пластины, покрывавшие вытянутые прямоугольники ее сторон, удерживались вместе некой технологией, какую Рэнтелл не мог идентифицировать — не сварка и не клепка, а что-то, из-за чего вышка казалась будто бы одномоментно отлитой прямо на месте. Он придвинулся к Бордману — так, чтобы спинка кресла обратилась к окну.

— Школа все еще закрыта, и я решил — надо заняться чем-то полезным. За это мне и платят. Я пришел к вам, памятуя о вашем большом опыте управленца.

— Да, опыт у меня солидный, мистер Рэнтелл. И очень разнообразный. Как у одного из юстициаров Совета, я так понимаю, у вас есть разрешение?

— Совет — излишне консервативный орган, — уклончиво ответил Рэнтелл. — И сейчас, мистер Бордман, я действую по собственной инициативе. Я проконсультируюсь с Советом позднее, в более подходящий момент — когда смогу сделать им

практически осуществимое предложение.

Бордман кивнул с пониманием:

— Разумный ход, мистер Рэнтелл. Что конкретно вы от меня хотите? Организацию?

— Сейчас — нет, но вообще-то я был бы признателен, если бы вы согласились. Сейчас я просто прошу разрешения провести мероприятие на вашей территории.

— Не думаю, что парковочный кинотеатр под такое приспособлен.

— Я не про кинотеатр. Хотя его бар и уборные были бы кстати. — Рэнтелл сочинял на ходу, надеясь лишь, что его план не звучит слишком уж фантастично. — Скажите-ка, а сад при пабе рядом с парковкой тоже принадлежит вам?

На мгновение Бордман замер. Проницательно глядя на Рэнтелла с легким оттенком восхищения в глазах, он стал ровнять ногти ножиком для резки сигар.

— Собрание на открытом воздухе, правильно я понимаю?

Рэнтелл с улыбкой кивнул:

— А ваша репутация-то не врет — быстро схватываете. Вы готовы предоставить нам сад? Разумеется, вам на руки — большая доля прибыли. На самом деле, если это будет для вас достаточным

стимулом, можете забирать *всю* прибыль.

Бордман отложил сигару:

— Мистер Рэнтелл, вы интересный человек… Признаться, я вас недооценил. Я-то думал, вами движет простая обида на Совет. Надеюсь, вы понимаете, на что идете?

— Мистер Бордман, вы готовы предоставить сад? — повторил Рэнтелл.

На губах Бордмана играла забавная вдумчивая улыбка, пока он разглядывал смотровую вышку, обрамленную окном.

— Прямо над садом — две опасные зоны, мистер Рэнтелл.

— Я о том прекрасно осведомлен. Вышки сейчас — главная достопримечательность, обозримая из окна отеля. Так все-таки — каков ваш ответ?

Двое мужчин молча смотрели друг на друга, а затем Бордман еле заметно кивнул. Рентэлл понял, что к его замыслу бутлегер отнесся со всей серьезностью. Он явно собирался использовать его в своей борьбе с Советом, рассчитывая в случае успеха на определенную выгоду. Рэнтелл изложил в общих чертах предварительную программу, они договорились о дате проведения и решили встретиться снова в начале следующей недели.

Два дня спустя, как он и ожидал, к нему пришли первые посланники Совета.

Он ждал за своим обычным столом на террасе кафе, в компании тихонько парящих в воздухе смотровых вышек, когда увидел Хансона, спешащего по улице.

— Присоединяйся! — Рэнтелл отодвинул соседний стул. — Какие новости?

— Никаких. Ты же и сам знаешь, Чарльз. — Он одарил Рэнтелла сухой улыбкой, как бы наставляя нашкодившего, но все-таки любимого ученика, а затем оглядел пустую террасу в поисках официантки. — Обслуживание здесь ни к черту. Скажи мне, Чарльз, что это пошли за разговоры о тебе и Викторе Бордмане? Что-то я своим ушам поверить не могу.

— Разговоры? — переспросил Рэнтелл с невинным видом, откидываясь на спинку стула. — Ничего такого не слышал. Ну-ка, расскажи.

— Мы… то есть я… я подумал, что, наверное, Бордман воспользовался какой-нибудь твоей совершенно невинной фразой, оброненной случайно. Эта затея с праздником в саду, якобы организуемым вами на пару, по-моему, абсолютно безумна.

— Разве?

— Чарльз… — Хансон подался вперед, вглядываясь в лицо Рэнтелла и силясь понять, что скрывается за его спокойствием. — Разумеется, ты затеял это не всерьез?

— Отчего же? Всерьез. Мне захотелось организовать праздник в саду — праздник на открытом воздухе, если называть точно.

— Дело не в том, как это называется, — резко ответил Хансон. — Дело совсем в ином, — он выразительно глянул на небо, — и в том, что ты действующий член Совета.

Рэнтелл сложил руки на груди и стал раскачиваться на стуле взад-вперед.

— Разве это дает право Совету вмешиваться в мою личную жизнь? Вообще-то ничего такого в положении о приеме не сказано. Если им не по душе какая-то моя деятельность, все, что они могут сделать, — показать мне на дверь.

— И покажут, Чарльз! Не мни себя незаменимой фигурой!

— Что ж, да будет так, — спокойно ответствовал Рэнтелл. — Посмотрим, кого они смогут подыскать вместо меня. Удачи им с этим. Значит, до сей поры они полагали, что поступаться моральными принципами ничего не стоит, и не трогали меня…

— Чарльз, ты плохо представляешь себе сложившуюся ситуацию! Еще вчера всем, быть может, было бы и наплевать на тебя и то, что ты вытворяешь. Но вечеринки на открытом воздухе — вопрос общественный, следовательно, находящийся в компетенции Совета!

— Да что ты заладил — Совет, Совет… — лениво отмахнулся Рэнтелл. — Вечеринка — инициатива частная, пропуск только по именным приглашениям; так что, даже в подобных делах мне нужно хватать управу за юбку? Если уж общественный порядок и будет как-то нарушен, всегда можно будет свистнуть полисмена. Из-за чего такой шум, я ведь просто хочу поднять людям настроение!

Хансон тряхнул головой.

— Чарльз, не прикидывайся, будто не понимаешь. Если верить Бордману, действо будет на открытом воздухе, причем прямо на просматриваемом месте. Подумай сам, к чему это все может привести!

— Решительно ни к чему плохому, — отчеканил Рэнтелл.

— Чарльз, будь добр… — Хансон поежился и глянул на ближайшую вышку, словно готовясь к тому, что с нее либо грянет карающая молния, либо прозвучит пулеметная дробь. — Мой тебе

совет: откажись от затеи. Осуществить ее до конца тебе все равно никто не даст, так зачем дразнить собак из управы? Разозленный зверь опасен, помни.

Поднявшись, Рэнтелл утомленно покосился на вышку. Тревога вдруг кольнула в сердце.

— Я пришлю тебе приглашение, — бросил он Хансону на прощание.

На следующий день ему позвонил секретарь городского суда и сообщил, что явится к нему лично. Час был назначен довольно-таки поздний — надо полагать, для того, чтобы дать ему время обдумать свое поведение. Рано-рано поутру Рэнтелл успел навестить миссис Озмонд — та явно нервничала; видимо, ей уже доложили о зреющей смуте. Признаться, ему самому с каждым днем было все трудней и трудней притворяться беспечным. Потому-то он все реже стал появляться на людях и даже втайне был благодарен тому обстоятельству, что школа так и не начала свою работу.

Секретаря суда Рэнтелл встретил в гостиной. Барнс, энергичного вида юноша-брюнет, сразу взял быка за рога — отказавшись от предложения сесть, он развернул в лицо Рэнтеллу протокол последнего заседания управы:

— Мистер Рэнтелл, городскому Совету стало известно о вашем намерении устроить в саду мистера Бордмана общественное увеселительное мероприятие в ближайшие недели. В связи с этим я вынужден передать вам, что члены Совета не одобряют эту идею и настаивают на том, чтобы вы незамедлительно прекратили подготовку.

— Очень жаль сообщать вам, Барнс, но подготовка продвинулась слишком далеко. Уже совсем скоро мы начнем рассылку именных приглашений.

Барнс замешкался. Его взгляд забегал по несколько запущенной берлоге Рэнтелла, как будто надеясь найти в обстановке какие-то подсказки насчет мотивов ее обитателя.

— Мистер Рэнтелл… вы, может, не понимаете, но я озвучиваю *приказ* управы.

— Все я понимаю. — Усевшись на подоконнике, Рэнтелл стал наблюдать за вышками. — На эту тему со мной уже разговаривал ваш друг Хансон — да вы и сами знаете. Совет *не может* запретить мне проводить мероприятие — точно так же, как я, увы, не могу запретить вам дышать.

— Мистер Рэнтелл, — с оскалом заправского бюрократа парировал Барнс, — приказ был издан ввиду полномочий, возложенных на Совет кое-

кем повыше. Так-то вопрос и правда не по нашему разряду. Если вам так будет проще, считайте, что вам передают прямое указание от… — Он еле заметно кивнул на смотровые вышки.

— Вот оно! — Рэнтелл рывком поднялся на ноги. — Самая суть вопроса! Можете передать этому «кое-кому повыше» мое жирное и окончательное «выкусите»?

Барнс, напуганный таким рвением, отступил на шажок и вытаращился на Рэнтелла.

— Я полагаю, да, сэр. Надеюсь, вы осознаете, на что идете.

Как только Барнс ушел, Рэнтелл зашторил окна, улегся на койку и попробовал слегка расслабиться. Значит, последнее противостояние с Советом намечено на завтра. Получив повестку на внеплановое срочное заседание, он даже обрадовался, ведь теперь главная цель — публичное разоблачение теневых игр управы — казалась вполне достижимой.

Все убеждали его, что ему следует отступиться.

— Тут вина только твоя, Чарльз, — твердил Хансон. — Искренне надеюсь, что они тебя пожалеют — им ведь тоже порой нужно сохранять репутацию у народа.

— Интересы Совета — лишь одна ниточка из

клубка, — парировал Рэнтелл. — Барнс мне чуть ли не прямо заявил, что их за ниточки дергает кто-то со смотровых вышек.

— Ну, — Хансон стушевался, — может, и так. Вот только их хозяева не станут браться за решение таких пустяковых проблем. Они доверяют управе. Покуда власть Совета и авторитет городской управы не подлежат сомнению, покуда соблюдается их закон, они не выдадут себя ничем.

— Не все так просто. Как, скажи мне на милость, происходит связь между смотровыми вышками и членами Совета? По телефону? Посредством семафорной азбуки?

Хансон в ответ лишь рассмеялся и сменил тему.

Аргументы Джулии Озмонд, как всегда, убедительностью не отличались, но сама она ничуть не сомневалась в святости городской власти:

— *Разумеется,* они получают указания с вышек. Не переживай, с чувством меры у них там все в порядке — они ведь разрешали тебе все это время ходить ко мне! Ты совершаешь большую ошибку, ставя себя выше других. Сам посуди — ты ведь уже не молод… Думаешь, хоть кто-то из них — управа, смотровые вышки — собирается бросить тебе вызов? Всерьез наказать? Глупости!

Ты попросту недостоин ни их внимания, ни наказания.

Обеденное время Рэнтелл провел, без намека на энтузиазм расковыривая содержимое своей тарелки и всеми фибрами души чувствуя обилие бросаемых на него исподтишка взглядов. Кто-то даже приволок друзей гостями — зал в городской управе явно будет в этот вечер набит битком.

Покончив с нежеланной трапезой, Рэнтелл поднялся к себе. Решил почитать, но буквы перед глазами расплывались и теряли смысл, поэтому он отложил книгу и встал у окна. Смотровые вышки демонстрировали непрошибаемую, абсолютно невинную и ни на какие подозрения не наводящую неподвижность. Рэнтелл глядел прямо, как полководец, изучающий перед боем расположение вражеских позиций. Сегодня мгла сгустилась ниже обычного уровня, из-за чего казалось, что вышки были не более чем торчащими из ореола собственного дыма трубами котельных. Самый обычный индустриальный пейзаж.

Ближайшая к нему вышка зависла над восточной частью сада, чья территория в равной степени принадлежала всем местным отелям. Рэнтелл отвернулся… и тут, самым краем глаза, уловил движение. Окно в наблюдательной

зале — оно *открылось*! Солнечные лучи, будто выпущенные умелой рукой лучника стрелы, отскочили от стекла и вонзились в него. Рэнтелл невольно пошатнулся, схватившись за сердце.

На смотровой вышке ничего не происходило. Все кончилось в мгновение ока — так же быстро, как началось. Глухие окна, отсутствие движения… но он же все своими глазами видел!

Рэнтелл прислушался к шуму в отеле. Хоть кто-то еще должен был заметить, встать на балкон, заговорить об этом с кем-нибудь… но в номерах царила тишина, и только занудный голос Клифтона снизу повторял какой-то безрадостный сумасшедший речитатив — судя по всему, доктор разговаривал с канарейками. Ни одного лица не было заметно и в окнах отеля напротив. «Быть может, обман зрения, — подумал Рэнтелл. — Просто открылось окно в том вот доме, а я все перепутал». Однако такое объяснение не выдерживало критики. Тот нацеленный в него пучок света рассек воздух подобно лезвию бритвы. Подобная сила отражения была свойственна только окнам смотровых вышек.

Посмотрев на часы, Рэнтелл тяжело вздохнул. Пятнадцать минут третьего. До здания администрации пешком идти добрый километр. Он

явится на собрание весь растрепанный, с пятнами пота под мышками.

Кто-то робко постучал в дверь. Открыв, Рэнтелл уставился на Мальвини:

— Что вам? Я занят.

— Прошу прощения за беспокойство, мистер Рэнтелл. Человек, представившийся как Барнс, просил в срочном порядке передать вам, что сегодняшнее заседание Совета отложено.

— Видали, — не удержался Рэнтелл, — как быстро они стушевались? Благоразумие прежде доблести. — Он широко улыбнулся управляющему. — Не хотите войти, пропустить чего-нибудь?

— Извините, но у меня тоже есть дела. А что, есть повод праздновать, мистер Рэнтелл?

— Еще какой! Моя вожжа попала управе под хвост, и следующее их заседание, зуб даю, будет сугубо приватным.

— Ваша правда, мистер Рэнтелл. Не вы один считаете, что Совет потерял совесть.

— Вот даже как? Отрадно слышать. Скажите, Мальвини, вы сейчас поднимались по лестнице, мимо панорамного окна. Вы не заметили ничего странного… *там,* снаружи? — Он легонько кивнул на маячившую вышку, не желая акцентировать на ней внимание.

Сощурившись, Мальвини выглянул в сад.

— По-моему, мистер Рэнтелл, там все как обычно. Вы что-то видели подозрительное?

— Ничего, просто открытое окно. — Мальвини явно не понимал, к чему он клонит, и Рэнтелл умерил свое любопытство. — Сообщите мне, если этот Барнс снова изволит что-нибудь передать.

Когда Мальвини ушел, Рэнтелл стал ходить по комнате, насвистывая классический мотив из Моцарта. За три следующих дня его триумфаторский пыл сошел на нет. Никаких сведений о новой дате заседания не поступало, и ему это не нравилось. Он предположил, что готовится закрытое слушание — ну и пусть, суть дела не изменится. Все равно вскоре все будут говорить о том, как он утер нос городской управе. Рэнтелла даже злила мысль, что собрание отложили на неопределенный срок. Избегая прямой конфронтации, Совет избавлял себя от лишних хлопот — довольно-таки мудро.

«Быть может, — подумал Рэнтелл, — я недооценил их». Быть может, они догадались, что реальной целью его провокации были не члены городской управы, а некто на смотровых вышках. Слабое подозрение — как бы он ни старался отвергнуть его подобно детскому страху, оно

все еще сохранялось — в том, что существовал некий таинственный сговор между существами на вышках и Советом, теперь начало расти в его сознании. Вечеринка была с умом задумана как весьма невинный жест неповиновения, и было бы трудно найти что-то другое на ее замену, что не было бы откровенно вопиющим и возмутительным, что не запятнало бы его грехом высокомерия.

Кроме того, как он осторожно напомнил себе, в его планы не входило строительство баррикад. Первоначально он отреагировал на сиюминутное чувство досады, вызванное всеобщими смирением и вялостью и тем угрюмым страхом населения перед вышками. Даже если сейчас бросать вызов их диктату казалось занятием бесполезным, требовалось провести некую принципиальную грань: раз уж их всех содержат в мышеловке, пусть хоть сыр не отбирают. Кроме того, требовалось оскорбление поистине героического масштаба, чтобы спровоцировать любую реакцию со стороны обитателей вышек. Определенная свобода по умолчанию являлась их небольшим, но ценным вложением в город и горожан.

В экзистенциальных терминах это вполне мог-

ло что-то значить — тот факт, что практическая черта между черным и белым, между добром и злом была проведена вдалеке от черты теоретической. Этот рубеж очерчивал сумеречную зону, где пребывала большая часть радостей жизни, где Рэнтелл чувствовал себя комфортнее всего. Его хождения к миссис Озмонд лежали в тех же пределах, и Рэнтеллу бы хотелось изъять их оттуда. Во-первых, следовало оценить степень этого сдвига, морального параллакса, но, отменив заседание комитета, Совет фактически предупредил его.

В ожидании весточки от Барнса он все больше и больше разочаровывался. От вышек, застывших в небе, было никуда не скрыться, и Рэнтелл хмуро сомкнул полоски жалюзи. На плоской крыше, двумя этажами выше, кто-то весь день стучал молотком. Можно было бы выйти и посмотреть, что происходит, но улицы Рэнтелл стал избегать, перестал даже ходить в кафе за утренним кофе.

Наконец, сподобившись подняться по лестнице на крышу, через дверной проем он увидел двух плотников, работающих под наблюдением Мальвини. Они сооружали что-то вроде дощатого настила. Пока Рэнтелл, прикрыв глаза ладонью, привыкал глазами к яркому свету, на лестнице

послышались шаги. Поднялся третий рабочий с двумя секциями перил из дешевого дерева.

— Вы уж простите нас за весь этот шум, мистер Рэнтелл, — извинился менеджер. — Завтра, обещаю, все работы будут закончены.

— А что это вы тут делаете? — огляделся Рэнтелл. — Это что… *солярий?*

— Да, вы угадали. — Мальвини кивнул на перила. — Доктор Клифтон нас сейчас консультирует. Чтобы пожилым людям было удобно, мы поставим здесь шезлонги и зонтики. Вам бы тоже не помешало сюда прийти разок-другой.

Рэнтелл задрал голову к смотровой вышке, нависшей прямо над их головами. Камешек, запущенный отсюда, без труда поразил бы один из листов ее обшивки. Крыша отеля была у всех у них на виду. Мальвини определенно тронулся, думая, что хоть кто-то из старичья просидит здесь больше секунды.

Но вот так номер: на крыше соседнего отеля кипела та же работа. Свеженатянутый желтый тент предстал глазам ошеломленного Рэнтелла. Два шезлонга под ним уже были *заняты*.

— А как… как же… смотровые, — пролепетал он.

— Смотровые? — Кто-то из плотников окликнул

Мальвини, и тот отвлекся, явно успев потерять нить разговора к тому моменту, как снова обернулся к Рэнтеллу. — А, ну да, само собой. Отсюда можно будет смотреть куда душе угодно.

Окончательно сбитый с толку Рэнтелл спустился к себе в номер. Мальвини то ли не понял его вопроса, то ли решил зло подшутить. И ведь наверняка всех собак за подобные выходки спустят на него, на Рэнтелла. Возможно, он случайно дал волю накопленному за годы жизни в тени вышек народному несогласию.

* * *

К изумлению Рэнтелла, уже на следующее утро лестница громким скрипом дала знать, что первая группа загорающих отправилась на крышу. Перед обедом он сам поднялся туда и застал человек десять-двенадцать, нежащихся под сенью смотровой вышки, подставляющих лица дневной прохладе. Соседство со зловещим обелиском никого, похоже, не волновало и не отягощало. Словно повинуясь некоему инстинкту, старики сбивались в шумные компании. Кто-то на улице вынес стул к подъезду. Кто-то полностью распахнул оконные ставни. Повсюду звучали приветствия и смешки. Тем, кто засел

в смотровых вышках, похоже, не было до этого никакого дела. Пристально разглядывая врагов сквозь прореху в шторах, Рэнтелл лишь однажды заметил что-то, напоминающее длинную тень в окне. В остальном же смотровые вышки хранили свое безучастие, свой покой, свою застывшую во времени и пространстве тайну, рядами уходя далеко за горизонт. Мглистая вуаль, окутывавшая их, истончилась, обнажив опоры массивных колонн, растущие будто бы прямо из облаков.

Хансон явился незадолго до обеда:

— Здравствуй, Чарли. Хорошие новости — завтра открывается школа! Как здорово, а то у меня от безделья уже совсем мозги в кашу превратились.

— Совет дал добро? — уточнил Рэнтелл. — С чего бы вдруг?

— Ну, когда-то же занятия должны были начаться. А ты, я смотрю, не рад?

— Еще как рад. Меня хотя бы не уволили?

— А? О чем ты, Чарли? Другого такого нам нигде не найти. Что это ты, в самом деле!

Разгоряченным лбом Рэнтелл приник к стеклу, рассеянно оглядывая загорающих. «И чего я только жду, — вдруг разозлился он на самого себя, — ведь эти вышки — они все такие же».

— Когда Совет будет слушать мое дело?

— Дело? — Хансон почесал в затылке, будто не совсем понимая, о чем идет речь. — Не думаю, что теперь оно их вообще волнует. Тебя на мякине не провести, им-то уже понятно. Так что просто наплюй.

— Наплевать? Но я не могу, Хансон. Я *настаиваю* на проведении слушания. Черт, ведь я затеял эту дурацкую вечеринку, чтобы раскрыть сговор! И теперь они просто сдаются?

— Ты так говоришь, будто это что-то невозможное. В Совете тоже живые люди сидят, у них своих забот хватает. — Хансон улыбнулся. — Им бы сейчас тоже не помешали билеты на твою вечеринку.

— Ага. Обойдутся как-нибудь. Знаешь, мне кажется, кто-то очень изобретательно надо мной издевается. Если вечеринка не состоится, все решат, что я сдался.

— Она состоится, ты что, не видел Бордмана? Он так и виляет хвостом, явно готовит грандиозную программу. Смотри, как бы он не приписал все лавры одному себе.

— Погоди-ка. — Рэнтелл отлип от окна. — Бордман готовится к вечеринке?

— Еще как! Натянул большой тент над парков-

кой, расставил киоски, всюду флажки…

— Вот ведь чокнутый! — Рэнтелл стукнул кулаком по ладони. — Сейчас надо быть очень осторожным, какая-то чертовщина творится. Я убежден, что Совет просто тянет время. Они там намеренно ослабили хватку, чтоб мы сами себя переиграли. Ты видишь всех этих людей на крышах? Они принимают *солнечные ванны*!

— Ну так и хорошо. Разве не такого ты всегда хотел?

— Не в столь вопиющей форме! — Рэнтелл указал на ближайшую смотровую вышку. Окна были запечатаны, но отраженный от них свет бил намного ярче, чем обычно. — Рано или поздно с их стороны последует ответ — быстрый и беспощадный. Вот чего ждет Совет.

— При чем тут Совет? Если людям хочется сидеть на крыше, чье это дело, если не их собственное? Ты вообще обедать-то идешь?

— Момент. — Стоя у окна, Рэнтелл внимательно разглядывал Хансона. Неожиданно ему в голову пришло новое возможное объяснение происходящего. И проверить эту версию было легко. — Гонг уже был? А то мои часы встали.

— Двенадцать тридцать. — Хансон глянул на часы, потом — на ратушу за окном.

Рэнтелл давно роптал на свой номер, главным образом из-за того, что ближайшая смотровая вышка практически целиком перекрывала вид на городские часы. Хансон перевел стрелку и кивнул:

— Тридцать одна минута, если быть точным. Жду тебя внизу.

После того как за ним закрылась дверь, Рэнтелл рухнул на кровать. Он был напуган и вымотан. И что еще хуже — совершенно не знал, чем объяснить этот новый поворот событий.

На следующий день, когда к нему пришел Бордман, вскрылось новое доказательство его сумасшествия. Обескураженно оглядывая запущенную комнату и ссутулившегося в кресле у окна Рэнтелла, Бордман говорил:

— Нет, мистер Рэнтелл, сейчас не может быть и речи об отмене праздника. Ярмарка фактически уже началась. Да и как такое пришло вам в голову?

— Мы договаривались о вечеринке, — сказал Рэнтелл, — а не о ярмарке.

— Да какая разница, — усмехнулся Бордман. — Я планирую весь участок сделать крытым и переоборудовать во что-то вроде постоянно действующего парка развлечений. Совет не будет

вмешиваться — они такие вещи спускают сейчас на тормозах.

— Разве? Сомневаюсь. — Рэнтелл посмотрел вниз, в сад. Мужчины закатали рукава пиджаков, женщины нарядились в летние платья, почему-то забыв об угрозе, затмевавшей небо прямо над их макушками. Мгла подобралась сильнее, обнажив еще футов двести небесных опор. Вышки выглядели мирно, но Рэнтелл был уверен: это все ненадолго.

— Скажи мне, Бордман, — спросил он, отчетливо выговаривая каждое слово, — ты не боишься смотровых вышек?

— Каких вышек? — Бордман удивленно хмыкнул, помахал в воздухе незажженной сигарой. — Американских горок, что ли? У меня их не будет. Мне ли не знать, что у нас в городе отродясь не водилось любителей забираться по лестницам в две сотни ступеней!

Запалив сигару, он встал и направился к двери.

— До скорого, мистер Рэнтелл. Я пришлю вам приглашение.

Во второй половине дня Рэнтелл постучался в номер к доктору Клифтону.

— Простите, док, — извинился он. — Можно вас

попросить осмотреть меня?

— Но ведь не здесь же, мистер Рэнтелл, не в отеле. — Клифтон оторвался от своих канареек, не скрывая недовольства, но, увидев лицо Рэнтелла, сменил гнев на милость. — Эй, что с вами стряслось?

Пока Клифтон мыл руки, Рэнтелл начал рассказывать:

— Скажите, доктор, возможен ли массовый гипноз? Вам известны подобные случаи? Я подразумеваю не горе-гипнотизеров на сельских ярмарках, а ситуацию, когда всех членов некоего небольшого сообщества — например, всех жителей нашего отеля — можно было бы заставить поверить в то, что всецело противоречит здравому смыслу.

Клифтон перестал мыть руки.

— Я думал, вы пришли ко мне по делу. Я врач, а не парапсихолог. Что вы еще затеяли, Рэнтелл? Сначала вечеринки на открытом воздухе, теперь вот массовый гипноз. И как вы только сами от себя не устаете!

Рэнтелл покачал головой:

— Не я буду гипнотизировать, доктор. Кто-то этим уже успешно занимается. Скажите, вы не замечали в последнее время, чтобы пациенты

вели себя как-нибудь… странно?

— Нет, все мои пациенты в норме, — сухо ответил Клифтон, подозрительно косясь на дверь за спиной Рэнтелла. — Так кто там у вас гипнозами балуется? — Когда Рэнтелл ткнул пальцем в потолок с пристыженным видом, Клифтон кивнул: — А, все ясно. Жуткие дела!

— Жуткие — не то слово. Я рад, что хоть вы меня понимаете. — Рэнтелл подошел к окну и ткнул пальцем в сторону вышек: — Напоследок, доктор, если вы не возражаете, я хотел бы кое-что для себя прояснить. Вы их тоже видите?

С ответом Клифтон почему-то медлил.

— Да, вижу, — наконец выдал он.

— Боже, спасибо. Камень с души. А я-то уже начал думать, что с ума схожу. Можете себе представить, Хансон и Бордман их больше не видят! И я совершенно уверен, что никто из сидящих на крышах людей — тоже, иначе их оттуда как ветром сдуло бы. Я убежден, что все это работа Совета, хотя представляется маловероятным, чтобы их власть так далеко… — Он умолк, почувствовав, что Клифтон пристально смотрит на него. — В чем дело? Доктор!

Жестом фокусника доктор материализовал откуда-то бланки рецептов.

— Мистер Рэнтелл, осторожность — основа любой стратегии. Берегитесь поспешных шагов, и будет вам счастье. Сегодня лучше нам обоим отдохнуть. Примите успокоительное…

* * *

…Впервые за несколько дней Рэнтелл отважился выйти на улицу. Спустившись вниз, он разозлился на себя за то, что дал доктору так легко себя провести. По тротуарам он зашаркал к дому миссис Озмонд, решив найти хотя бы одного человека, все еще способного видеть вышки. За долгое время улицы впервые наполнились людьми, и, похоже, только он один периодически с опаской косился на небо, курсируя меж пешеходов. Над его головой, подобно мачтам штурмового корабля, чей капитан готовит сокрушительный воздушный налет, нависали смотровые вышки. Они были везде — и между двух шпилей церкви, и над главным бульваром, и над прогулочной дорожкой с колясками…

Рэнтелл миновал кафе, удивился при виде террасы, обсаженной любителями кофе, а затем увидел шатер Бордмана на автостоянке кинотеатра. Скрипучий «Вюрлитцер» плевался хриплой музыкой, радужные флаги развевались на ветру.

Когда до дома миссис Озмонд осталось где-то двадцать ярдов, Рэнтелл увидел, как она сама, нацепив разлапистую соломенную шляпу, выходит на улицу.

— Чарльз, какими судьбами! Тебя так долго не было видно, я уже начала волноваться. Что с тобой? Ты выглядишь каким-то… уставшим.

Рэнтелл за руку отвел ее обратно в дом, закрыл за ними дверь, замер в полутьме холла, восстанавливая сбившееся дыхание.

— Лицо у тебя такое, будто за тобой черти гонятся.

— В это трудно поверить, Джулия, но надо признаться, что мне начхать на мое лицо. — Войдя в гостиную, он первым делом прошествовал к окну и удостоверился, что все вышки на месте. — Присядь пока. Прости, что вот так вот вламываюсь. Мне нужно кое-что прояснить. — Пока миссис Озмонд с озадаченным видом усаживалась на диван, он, привалившись к каминной полке, собирался с мыслями. — В последнее время моя жизнь — какой-то жуткий сон, других слов не подберу. Клифтон выставил меня полным психом. А я-то думал!..

— Чарльз…

— Прошу, не перебивай. Я и так на последнем

издыхании. Это какое-то безумие, но почему-то я, кажется, единственный, кто сохранил рассудок. Я понимаю, что со стороны кажется, будто я несу околесицу, но все так и есть. *Почему* все так, я не знаю. Мне страшно, но только потому, что я чувствую: они переходят в наступление. Джулия, что ты видишь из окна?

Миссис Озмонд сняла шляпу и, прищурившись, выглянула наружу.

— Чарльз, может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? Я надену очки…

— Джулия! Раньше, чтобы увидеть *их*, очки тебе не требовались. Что там?

— Ну, дома, парк…

— Так, что еще?

— Деревья…

— Что насчет неба?

Она кивнула:

— Да, вижу, там как будто туман? Или у меня что-то с глазами?

— Нет. — Рэнтелл утомленно отвернулся от окна. Впервые его охватила непреодолимая усталость. — Джулия, — мягко спросил он, — ты не помнишь о смотровых вышках?

Она медленно покачала головой:

— Нет. А где они стояли? — На ее лице просту-

пила тревога. — Милый, ты не болен?

Рэнтелл с трудом выпрямился:

— Не знаю… — Он потрогал свой лоб. — Ты *совсем* не помнишь их? — Он указал на вышку, стрелой торчащую в окне. — Вон там была одна, над домами. Мы всегда смотрели на нее. Помнишь, как мы опускали шторы в комнате наверху?

— Чарльз, я ничего такого… постой, куда ты?

— На улицу, — произнес он мертвым голосом. — Что тут сидеть.

Отворив дверь, Рэнтелл побрел куда глаза глядят. Она окликнула его, но он не стал оборачиваться. Ноги сами несли его куда-то. Какие-то люди окликали его по имени — ученики, чьи занятия сегодня прошли без него, их матери, еще кто-то. Ему не было до них дела — он очень, очень устал. Смотровые вышки давили на него, пригибали к земле.

А вокруг цвел чудесный солнечный день.

Вскоре он понял, что заплутал, забрел в какую-то совершенно незнакомую часть города. Стоило, конечно, сориентироваться по этим ненавистным небесным редутам, но теперь ему почему-то было боязно поднимать к ним глаза. Шагая по старому городу, бедняцкой обители,

минуя неубранные мусорные завалы, опираясь на кривые заборы и расшвыривая ногами камешки, он обращал внимание лишь на то, как дома, преимущественно одноэтажные и обветшалые, уступают место открытым просторам небес. Смотровые вышки были и здесь — тянулись до самого края земли, а может, и дальше; иглы, воткнутые в ткань реальности небесным портным.

Мозоль на ноге саднила. Было жарко, и он развязал узел галстука. Надо было как-то выбираться отсюда. Над головой мелькнула какая-то тень, но он заставил себя не поднимать глаз. Повисла тишина — столь сильная, что едва ли не оглушительная.

Старец в мешковатом, не по фигуре, черном костюме и рубашке с накрахмаленным воротничком, обычно ошивавшийся неподалеку от библиотеки, через улицу прошаркал к Рэнтеллу и встал рядом, в тени вышек. Руки он держал в карманах. Сощурив выцветшие глазки на небо, он вздохнул, будто вспомнил о чем-то давно утерянном и позабытом. Потом он потопал к пустырю. Рэнтелл так и не успел окликнуть его, не решился вовремя — старец уже исчез за стеной дома с медленно осыпающимся фасадом.

И снова что-то промелькнуло прямо над ним, и

снова, и снова. Асфальт под его ногами замерцал разноцветными бликами — само небо искрилось, словно где-то там, наверху, кто-то открывал и закрывал множество окон. Но это мельтешение прекратилось так же резко, как и началось.

Обхватив себя руками за плечи и дрожа, Рэнтелл выждал до последнего. Только потом он поднял голову к ближайшей смотровой вышке, в пятидесяти футах над ним, и окинул взглядом сотни и сотни башен, что свисали с чистого неба гигантскими сталактитами. Туман рассеялся, и зрелище обрело беспрецедентную ясность.

Насколько он мог видеть, *все* смотровые окна были открыты.

Недвижимые и молчаливые, жители вышек смотрели на него во все свое множество сияющих глаз.

1962

The Watch-Towers. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, июнь 1962.

Перевод Г. Шокина